

Жгучая Стерва

ИРАИДА
Мельникова

Ираида Мельникова Жгучая Стерва

<https://litres.ru/74494147>

Аннотация

Инфернально бомбическая история в стиле Rammstein.- Признаться, я подумал, что ты испугаешься и не припрёшься на праздник. Но, если уж ты здесь, - он хмыкнул с такой, знаете ли, смачной издёвкой, точно ему было уже сейчас скучно разговаривать со мной, - тогда приказываю тебе, девочка...

Я вспыхнула, точно помидор, только лишь услышав его желание. От бесячьего горького стыда, мерзости, ярости и отвратительной подлости. Честно, подумала, что это просто глупая и злая шутка. Он ведь сейчас рассмеётся и скажет, что пошутил. Правда ведь? Но он прищурился, просверлив дыру где-то в районе моей груди, и холодно-замогильно процедил:

- Ну, так давай, детка, приступай, или...

О чем в книге:

НАИСТРОЖАЙШЕ 18+ без вариантов

**ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ - ЖУТКАЯ СТЕРВА, КОРОЛЕВА
ВСЕХ СТЕРВОЗ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ**

**ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ НА ВСЮ ГОЛОВУ ОТМОРОЖЕННЫЙ,
ВЛАСТНЫЙ**

БЕЗБАШЕННАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

ПРИНУЖДЕНИЕ

ММЖММ - ОРГИИ

ЭРОТИКИ МНОГО И ВСЯКОЙ, НЕ НЯШНОЙ И
РОМАНТИЧЕСКОЙ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЛИШЕНИЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА КАК
ДВА ПАЛЬЦА ОБ АСФАЛЬТ

ТРЕХЭТАЖНЫЕ СЛОВЕЧКИ С ПРИБАБАХОМ ДАБЫ НЕ
БЫЛО СЛИШКОМ ЖУТКО ПРИ ЧТЕНИИ

КРОВАВЫЙ ТРИЛЛЕР, МАТЬ ЕГО

ЭТО НЕФИГА НЕ ФЭНТЭЗИ, А ПРАВДА ЖИЗНИ,
КАК ОНА ЕСТЬ, УЖАСАЮЩАЯ, ИЗ ДОСТОВЕРНЫХ
ИСТОЧНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С МОЕЙ ГРЕБАНОЙ
ЖЕСТОКОЙ РАБОТОЙ (криминальная психология)

ПРЕДУПРЕЖДАЮ: НЕРВИШКИ ПОШАЛЯТ.

БУКТРЕЙЛЕР УЛЕТНЫЙ

Настоятельно советую обязательно прочитать "ГЛУПЫШКУ",
т.к. события взаимосвязаны и переплетаются (или читать
одновременно).

Читать здесь:.

Прода ВТ, ЧТ, СБ в 00.00 по МСК.

Пишу только для вас и нежно вас люблю. Не забывайте
подписаться на автора, отметить сердечко (нравиться) на
карточке книги, отложить книгу в библиотеку и обязательно
поддерживать автора комментариями.

Ваш автор.

Содержание

Пролог. Визуал.	5
глава 1	9
Визуалы	24
глава 2	30
глава 3	53
глава 4	72
глава 5	88
глава 6.1	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Пролог. Визуал.

Итак, дорогие мои, начинаем офигенный крутяк, бомбически интересное чтиво.

Общее эмоциональное напряжение в стиле ТЯЖЕЛЫЙ РОК!

НАВЕЯНО КЛАССИКОЙ - МУЗЫКОЙ ГРУППЫ РАММ-ШТАЙН!

Даже не обещаю, а точно знаю, что будете писать кипятком от событий, что я здесь разверну,

Знакомьтесь с настоящей сукой.

Вот она - НАТАША - ЖГУЧАЯ СТЕРВА, дичайшая, оголтелая, без тормозов.

Одна одиначенька на поле боя против ЖММ - Жестокое Мира Мужчин.

Вопрос: И кто же постарался превратить ее в СУКУ? Кто тот Мудак?

Мы все обязательно узнаем.

Чуть позже, если последуете за мной в крышесносное путешествие под названием

"Жгучая Стерва".

Она - Наташа - отнюдь не "нежная зайка", а Дьявол в юбке.

Он - Чарльз - английский мажор, в будущем - гроза всей Англии, непобедимый анти-герой, - мистический, странный, порочный, страшный, эгоистичный.

О чем будет в книге:

НАИСТРОЖАЙШЕ 18+ без вариантов (я бы поставила плашку и выше)

ГЛАВНАЯ ГЕРОИНЯ - ЖУТКАЯ СТЕРВА, КОРОЛЕВА ВСЕХ СТЕРВОЗ ВМЕСТЕ ВЗЯТЫХ (в принципе, вы уже это поняли из Глупышки)

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ НА ВСЮ ГОЛОВУ ОТМОРОЖЕННЫЙ (вы уже познакомились с его странностями в Глупышке)

НЕВООБРАЗИМАЯ БЕЗБАШЕННАЯ ЖЕСТОКОСТЬ
ПРИНУЖДЕНИЕ

ММЖММ И НЕПОТРЕБНЫЕ ОРГИИ (раскроем всю глубину порочности личности и посмотрим, как с этим можно будет бороться)

ЭРОТИКИ МНОГО И ВСЯКОЙ, НО ОТНЮДЬ НЕ НЯШНОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ (что поделать, у этих двоих нет тормозов)

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ЛИШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ЖИЗНИ КАК ДВА ПАЛЬЦА ОБ АСФАЛЬТ

ТРЕХЭТАЖНЫЕ СЛОВЕЧКИ С ПРИБАБАХОМ (придется автору шутить, чтобы читателю в некоторые момен-

ты не было жутко во время прочтения)

НЕ РЕКОМЕНДУЮ ЧИТАТЬ НЕЖНЫМ И РАНИМЫМ ДЕВОЧКАМ (пишу жестко и честно. Что поделать, я и сама жесткая, вроде хирурга. Сначала делаю больно, чтобы потом было хорошо)

ЭТО НЕФИГА НЕ ФЭНТЭЗИ, А ПРАВДА ЖИЗНИ, КАК ОНА ЕСТЬ, УЖАСАЮЩАЯ, БЕЗ ПРИКРАС, ВЗЯТАЯ ИЗ ДОСТОВЕРНЫХ ИСТОЧНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С МОЕЙ ГРЕБАННОЙ ЖЕСТОКОЙ РАБОТОЙ (ох, о таких перлах узнаете, что аж наизнанку выворачивать станет. Криминальная психология, мать ее)

ПРЕДУПРЕЖДАЮ: НЕРВИШКИ ПОШАЛЯТ.

КСТАТИ. СМОТРИТЕ УЛЕТНЫЙ БУКТРЕЙЛЕР В КАРТОЧКЕ КНИГИ! ТЯЖЕЛЫЙ РОК! НАВЕЯНО КЛАССИКОЙ РАММШТАЙН!

Обязательно прочитайте "Глупышку", так как это первая книга из цикла Глупышка. Истории полностью, можно сказать, кровно взаимосвязаны. Кто еще не начинал читать, а лишь отложил ее в библиотеку, советую начать. Все же, **ЖГУЧУЮ СТЕРВУ** надо читать после нее или одновременно (герои тесно взаимосвязаны).

Ссылка на Глупышку: <https://litnet.com/shrt/coj9>

И снова немножко гифки.

ГЛАВЫ КАЖДЫЙ ДЕНЬ В 00.00 ПО МСК!

Друзья. Не забудьте подписаться на автора, поставить

звездочку на карточке книги, забрать книгу в библиотеку, написать комментарий и по-возможности наградить прикольную книгу. Несколько ваших кликов по указанным кнопкам, и (вуаля!) мой Муз - вдохновение не зачах и не сдох, за что мое вам почтение.

Обожаемый вами автор.

глава 1

А если она настоящая СУКА!?

Голимая СТЕРВА!?

ТВАРЬ, что хочется уничтожить, точно мерзкое насекомое!?

Сдавить бы ее башку могучими железными тисками, чтобы треснула, точно гнилой орех. Дабы, просочившись сквозь осколки черепа, миллионами капель брызнули ее мозги, орошая все вокруг и меня самого с головы до ног.

Фонтан этот, кроваво-мозговой, нутряной и масляно-тягучий, покажется мне самым живительным в мире, доставившим невероятное наслаждение вместе с осознанием того, что ОНА, наконец, больше не существует и не оскверняет этот мир своим присутствием.

И, поймав кайф от вида ее страшной смерти, я, конечно же, не стану задумываться о том, что же это за мудака такой очень хорошо постарался, превратив нежное, невинное создание, милую когда-то девочку в невыебенно паскудную дрянь, жестокою монструозную ЖГУЧУЮ СТЕРВУ, хладнокровно уничтожающую всех и вся на своем пути.

Что ж, МУДАК, все же, ты – конченный. Не боишься, что она и с того света за тобой придет?

Наташа.

Блин, ну я и попала!

Приперлась на жуткий вампирский бал. Тоже мне, додумалась, дура.

Бля-я-я! Какой же он всё-таки зловещий!

И как только моя голова не лопнула от оглушительно долбашущего по ушным перепонкам супер-сингла Rammstein?

Странно, никогда бы не подумала, что под «heavy metal» можно танцевать.

Охренеть, но все эти люди, неприлично богатые и кем-то избранные, что присутствуют здесь, в родовом английском поместье на празднике масок, будто в едином порыве конкретно отрываются, кайфуя от надрывных звуков электрогитары, барабанов и низко-замогильно-металлического голоса солиста, одурачивающе лязгающего по нервам.

Да уж, сочный у него тембр, прямо проникает прилипчивой темной патокой в голову, мозг и внутренние органы, впечатываясь в них звуками тяжёлого, мать его, рока.

Я наблюдала вокруг полное сумасшествие.

С блаженно счастливыми лицами люди плавно, медленно двигались, топтались практически на месте, лениво переступая ногами. Кто-то мечтательно зажмурился, радостно улыбаясь, а кто-то одурело вытаращивал глаза и орал, пытаясь надрывно вопить в унисон с солистом, безуспешно пытаясь перекрычать мощные звуки тяжелой музыки.

Может, они были под чем-то, если конкретно тащились от такого грохота и крика? Хотя, скорее всего, все они были

фанатами этой знаменитой немецкой группы, приглашённой на праздник хозяевами замка.

Я не совсем отчетливо понимала обуювшего всех присутствующих состояния улетного блаженства, так как любила немного другую музыку. Но, будучи девочкой-мажоркой из запредельно богатой русской семьи, старалась поддерживать статус и соответствовать моменту, так что делала то же самое, что и все вокруг.

Кайфовала.

Ох, как же тщательно и трепетно я выбирала для этого маскарада секси костюм «женщины-кошки». Я же удостоилась высочайшей чести здесь присутствовать наравне с элитой английского высшего света. Вернее, с детками-мажорами этой элиты.

До моей персоны вдруг снизошли боги с Олимпа, взглянув случайно себе под ноги, где обнаружили меня, жаждущую и мечтающую о том, чтобы меня заметили. Вероятно, на моей фотомордочке так смачно отпечатались горестная униженно-скорбная мина, что он - хозяин маскарада, английский лорд-мажор, снизошел до меня и временно спустился с трона, чтобы пожалеть глупую наивную русскую девочку.

Или им двигало нечто другое, кроме жалости? Возможно, он решил поиграть со мной и, вероятней всего, жестоко и грязно?

Представляете, а мне в тот момент было все равно, с какой целью он это сделал.

Самым важным, первостепенным для меня было всеми правдами и неправдами попасть на этот бал. Хотя, как оказалось, праздник этот больше смахивал на вакханалию богатых и испорченных английских мальчиков-мажоров.

Да, попасть-то попала я на эту тусу, но с большим натягом и с одним условием, что выкатил мне избалованный красавчик - хозяин замка.

И каким же было условие?

Полный треш!

Я должна исполнить его желание, приказ, каким бы он ни был. И тогда... я стану для него чем-то большим, чем мусор под ногами.

Наслаждаясь моментом, я слушала гребаный Рамштайн, когда среди толпы гостей меня нашли его люди и приказали следовать за ними.

Пройдя неисчислимое количество лестниц и коридоров, мы оказались, наконец, на месте. Передо мной открыли одну из дверей и жестом указали, чтобы я вошла в комнату, а затем плотно закрыли за мною дверь.

В моем испуганном маленьком сердечке четко отозвался звук замка. Он очень громко щелкнул, и это означало, что тяжелая дубовая дверь за моей спиной накрепко запечатана, отрезав путь к спасению.

Теперь так просто мне не выйти, пока не будет позволено.

Ноги дрожали, тело потряхивало, но я, точно стойкий оловянный солдатик, пыталась не грохнуться в обморок и сто-

ять прямо и твердо, прислонившись спиной к единственному закрытому для меня выходу, отделяющему эту страшную комнату от остального мира. Переминаясь с ноги на ногу, я опустила голову, не в силах смотреть в их лица, но всеми частичками трепещущего от страха тела я чувствовала на себе пристальный взгляд нескольких пар глаз. И, сука, проклинала все на свете, что оказалась настолько глупой, что попалась в голимую западню.

Еще этот долбанный костюм сексуальной женщины! Я прям ощутила себя как минимум шлюхой в присутствии тех, кто находился здесь, рядом со мной, в этой комнате, из которой теперь мне не выбраться.

Мне все же пришлось поднять голову и рассмотреть всех, кто здесь находился, чтобы на всякий пожарный запомнить своих потенциальных обидчиков, если мне сильно не повезет.

Кроме меня самой, здесь был он – безумно красивый, высокий, сильный, с ехидной ухмылкой на губах.

Тот, кто уже длительное время постоянно жил в моем сердце.

Жестокий, ненавистный, любимый.

Недостигаемый, вожаемый мною - враг. Собственно, ради него я и находилась сейчас здесь, в его доме, предприняв для достижения этой цели невероятное количество усилий и уловок.

Тут же находилась и троица его закадычных друзей, таких

же избалованных богатеньких мальчиков, как и он сам.

Они с комфортом развалились в кожаных мягких креслах в совершенно расслабленных позах, точно собирались играть в покер. Кто-то курил, а кто-то наслаждался алкоголем из высоких фужеров или пузатеньких стаканов, в зависимости от содержимого бутылок, из которых они наливали. Они смотрели на меня, пристально, не отрываясь, оглядывая с головы до ног, точно товар на витрине. А я готова была провалиться в преисподнюю.

Его голос вторгся в звенящую тишину комнаты, прервав затянувшуюся паузу:

- Признаться, я подумал, что ты испугаешься и не прирёшься на праздник. Но, если уж ты здесь, - он хмыкнул с такой, знаете ли, смачной издёвкой, точно ему уже сейчас было скучно разговаривать со мной, - тогда я приказываю тебе, девочка...

Я вспыхнула, точно помидор, только лишь услышав его желание.

От бесячьего горького стыда, ужаса, мерзости, ярости и отвратительной подлости.

Честно, я подумала, что это просто глупая и злая шутка. Он ведь сейчас рассмеётся и скажет, что пошутил. Правда ведь?

Вероятно, на моем лице слишком красочно отобразилась вся гамма чувств, так что...

Страхнув пепел и глубоко втянув в себя сигаретный дым,

он выпустил его изо рта аккуратными дымными колечками, прищурился, просверлив дыру где-то в районе моей груди, и холодно-замогильно процедил:

- Ну, так давай, детка, приступай, или...

Мой голос, вероятно, дрожал, когда я осмелилась спросить:

- Что «или»?

Он пожал плечами.

- Сначала скажи, что ты решила. Тогда узнаешь.

Мой мозг лихорадочно заработал.

Итак, если уж я приперлась на бал, значит, уже была готова на все.

То есть, согласна исполнить то, что он мне прикажет. Хотя, если честно, никак не думала, что он захочет именно это.

Если не подчинюсь, не выполню условие, он с легкостью и скукой на самом красивом на свете лице уничтожит меня, не моргнув глазом. Или, еще хуже, даст мне пинка под зад, делитнет, выпилит из своей жизни, как ненужную вещь, мусор, грязь из-под ногтей.

Так и есть. Как бы ни старалась, не лезла из кожи вон, я для него всегда буду - грязь.

Я – русская девочка, а он – английский лорд, потомок знатного рода.

Он смотрит на меня, как на игрушку, вещь, забаву, неведомую зверушку, что пока еще до некоторых пор его забавляла. А если надоем, тут же от меня избавится.

А я ведь похоже люблю его. До дрожи, до одурения. Так одичало может любить только лишь самка, что почуяла своего самца – сильного, бешеного, как она сама, жестокого и беспринципного, готового на все для достижения своей цели. Даже уничтожить кого угодно и как угодно.

Так что же мне надо сделать, чтобы остаться с ним навсегда, чтобы не умереть, не сгинуть, не задохнуться, если перестану вдруг дышать с ним одним воздухом?

Я смотрела в его насмешливые глаза и не верила в то, что он может так со мной поступить. Нет, невозможно. Он не сможет. Он не такой жестокий, как кажется. Нет.

Прочистила горло, проглотив ком, что мешал мне дышать, сглотнула и хрипло простонала:

- Я... не могу.

Он улыбнулся, так широко, лучезарно, но, в то же время, хищно, точно готовился перегрызть мне глотку:

- Я не понял, повтори громче.

- Я...я не могу.

Его губы скривись в злой усмешке. С надеждой и ужасом я следила за совершенно непроницаемым лицом, когда он объявил приговор. Он произнес его жутко, спокойно, отчеканивая каждый слог замогильно-ледяным тоном:

- Итак. Ты. Сама. Решила. Пойдем.

Затушил сигарету, поднялся с кресла, поправил лацканы фрака, манжеты и направился к двери, по пути грубо схватив меня за руку.

Наташа.

Направляясь в сторону двери, он грубо схватил меня за руку и не церемонясь потащил за собой.

Что ж...

Снова пролёты, лестницы, коридоры и этажи.

Какой же он огромный, этот замок! Мчалась за ним практически вприпрыжку и тупо пялилась по сторонам, хотя бы немного отвлекаясь от ужасающих меня мыслей.

Куда он меня ведёт? Что он собирается со мной сделать?

Божечки, как же красиво в доме этого злого и жестокого человека! Как в музее. Не понимаю, каким образом среди всей этой роскоши можно стать таким безжалостным, и меня, совсем еще девчонку, не пожалеть? Ведь я только-только поступила на первый курс универа. Молоденькая, наивная, неопытная. Неужели у него даже сердце не ёкнет? Хотя..., вероятно, у него нет сердца.

Он шёл очень быстро, а я еле поспевала за ним, почти бежала, страшно запыхалась и в конце концов натужно закашлялась от недостатка воздуха в лёгких.

Боже, ну зачем он так со мной? Почему так жесток?

Изнемогая, пытаюсь набрать в организм побольше кислорода, и при этом позорно заикаясь, прошептала:

- П-прошу тебя, п-прошу. Я н-не могу б-больше. П-пожалуйста.

Он меня не слышал, а, скорее всего, и не хотел слышать. Только лишь крепче сдвинул мою ладошку огромной сильной

ручищей. И мне даже показалось, что он резко ускорил шаг. Наверное, сделал это мне назло.

Я уже практически висела на его руке, спотыкаясь, задыхаясь, проклиная всё на свете, когда, наконец, мы пришли.

На крышу.

Он толкнул дверь и буквально втолкнул меня на открытую площадку с каменными зубцами и бойницами.

Блин, как в историческое прошлое попала.

Вероятно, когда-то здесь находились солдаты. Они охраняли замок и отбивались от врагов, что осаждали высокие неприступные стены. Я вроде бы на уроках истории что-то слышала о битвах, великих победах и поражениях в таких вот замках. И «Игру престолов» я смотрела. Там тоже было что-то подобное. Очень похоже, только летающих драконов не хватает.

Ох, ты!

Оказывается, пока я носилась туда-сюда по замку, уже наступила глубокая ночь, и здесь, на крыше очень высокого здания казалось, что мириады звёзд, ярко сверкавшие на небосклоне, стали к нам чуточку ближе. Да-а-а. Очень романтично. На этой крыше надо в любви признаваться, а не экзекуции устраивать.

Пока я глазела на небо, мой мучитель подошёл к краю стены и забрался на каменный зубец.

Обернулся и посмотрел на меня так...

Божечки!

Вместо лица - звериная маска: губы, растянувшиеся в зловещей ухмылке, глаза, горящие ненавистью, - ни что иное, как гримаса, высокомерная и презрительная. И голос равнодушный такой, брезгливый.

- Ну-ка быстро иди сюда!

Что ж, я подошла к нему поближе. Ведь мне больше ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Он протянул мне руку и буквально выдернул меня наверх и со всей дури жакнул спиной о стену, припечатав к твердой кромке зубца. Я только смогла лишь ойкнуть и плотно сжать зубы, чтобы не разреветься от боли.

В общем, немного пришла в себя от резкого рывка и расползающейся по всему телу ломоты от сильного удара, не удержалась, полюбобпытничала и посмотрела вниз. Лучше бы не смотрела. Ужас!

- Ах, - пришлось закрыть руками лицо, не желая больше смотреть в мрачную, необъятную, адскую пропасть без начала и конца, бездонную пучину, что с лёгкостью проглотит человека, стерев с лица земли само упоминание о его существовании.

Был человек, и нет человека.

Голова само собой закружилась, вся целиком заколотилась мелкой противной дрожью. Качнулась и невольно ухватилась за него, сильного и... надёжного, спрятав лицо у него на груди.

Не стоило удивляться, что испуганные слезы хлынули са-

ми собой. Я даже не притворялась. Здесь, на высоте, на краю обрыва было так страшно, что я вовсе и не пыталась заглушить рыдания и всхлипы. Для того, чтобы успокоиться, меня просто не должно здесь быть, в этом страшном месте, в пяти сантиметрах от гибели.

Еще не вполне понимая, чего от меня хотят, но не теряя надежды на благополучный исход нашего путешествия на злополучную крышу, я только и посмела прошептать:

- Чарльз, прошу тебя. Можно отсюда уйти?

В ответ он только лишь противно хмыкнул:

- Конечно же, нет, дуручка.

Резко отстранив меня, чуть ли не отшвырнул, отодвигая подальше от себя. А затем... вдруг наклонился, коснулся губами моей щеки и прошептал на ушко:

- Прыгай.

Я... Что? Мне послышалось?

Он предлагает мне прыгать?! Куда? В пропасть?

- Но я же... погибну.

- Да. И что?

Здесь, наверху, стоя над бездной, я сильнее чем обычно ощущала силу ветра. Наверное, это всегда так. Чем выше к небу, тем яростнее ветер, тем безжалостнее его порывы, что сметают все на своём пути.

Точно тростинка на ветру, я стояла на каменном зубце высоченного замка в паре мгновений от конца. Моего конца.

По-видимому, он не шутит.

Его глаза блестят безразличными льдинками. Мне холодно, морозно от его равнодушного взгляда.

Но зачем, почему? Кто это решил, что я, ещё очень молодая, студентка 1 курса престижного University of Cambridge, девочка из очень богатой русской семьи, что только начинает свой жизненный путь, должна отказаться от жизни и оборвать её вот так? Тупо прыгнуть в бездонную пропасть.

За что он так со мной? Ведь знает, что я к нему не равнодушна. Знает! Знает! Но все равно требует зачеркнуть себя, мой мир, отца, что любит меня и выполняет все мои желания. Зачеркнуть будущее. Мое будущее. Уничтожить мою... любовь. Любовь к нему.

Простонала, еле выговаривая слова:

- За что ты так со мной? Я же люблю тебя.

Каждое его слово в ответ уничтожало меня, убивало во мне что-то человеческое, крупинцы чего-то доброго, что ещё теплились в моем сознании, немного скрашивая жестокий мир, в котором я существую уже не первый год. Примерно лет с пятнадцати, когда... все светлое, что было в моей жизни, исчезло, превратившись в пепел и смрад.

И вот теперь он так же поступает со мной, убивая меня, растаптывая и до конца уничтожая мой мир.

- Ну и...?

- Я люблю тебя.

Казалось, он еле сдерживается, чтобы не зевнуть от скуки.

- Я уже это слышал. Дальше что?

Я снова начала заикаться от осознания того, что все мои аргументы исчерпаны. Что ещё я могу ему предложить вместо скоропостижного прыжка в вечность?

- Н-н-ичего. Просто люблю.

- Хм, любишь, значит.

Я даже отпрянула, ударившись головой о стену каменного зубца, когда он протянул ко мне руки, крепко обхватил мою голову и, приблизившись, всосался в мои губы. Сильно, больно, жёстко. От поцелуя восхитительно закружилась голова. Как-никак, меня целовал любимый мужчина, хоть его поцелуй и не был похож на нормальный. Скорее, на... странный.

А потом вскрикнула от боли, когда он укусил меня в губы, которые до этого момента вроде бы целовал. Или сосал. Он застонал каким-то утробным, животным, гортанным звуком, жадно слизывая хлынувшую из моей ранки кровь.

- М-ммм. Девочка. А ты сладкая.

Скользнул губами по моей щеке, виску, отвернул мою голову набок и жадно всосался в пульсирующую на шее жилку. А потом снова укусил, глубоко вонзая зубы в мою плоть, присосавшись к ранке, из которой хлынула кровь. Сладкая, вкусная, как оказалось, моя кровь.

Офигеть, не встать. Вот это хер-нахер! Оказывается, он - настоящий вампир! Божечки!

Нежно облизывая языком, посасывая губами, он целовал

мои губы и шею, а, вернее, - места укусов. Будто метил самку, принадлежащую ему одному. Хотя... нет. Не самку. Еду.

Ох, может быть, я ужастиков насмотрелась?

Фильм такой был. Сто раз смотрела. «Сумерки» называется. Как раз про них, про вампиров. А я ещё не верила, что они существуют.

Да-а-а, они ведь тоже там любили друг друга. Люди и вампиры. Так, может быть, он тоже меня сможет полюбить? Пусть кусает, мне не жалко. Только бы любил.

Я застонала, протянула к нему руки и обняла, прижавшись щекой к его широкой груди, как маленький дрожащий котёнок.

А он сразу так весь напрягся, будто его вдруг ударили хлыстом.

Отпрянул, зло на меня посмотрел, скривив губы в ухмылке:

- Бля, надоела, сука.

Положил тёплую сильную руку мне на плечо и... так лего-нечко толкнул меня в пропасть.

Визуалы

Друзья, кину вам немного фоток Наташи и Чарльза, когда они уже не студенты, а взрослые, состоявшиеся личности. Вот такими они появились в Глупышке. А в следующий раз покажу фотки 18-летних мажорки Наташи и мажорчика Чарльза, такими, какие они в этой книге. Ждите и наслаждайтесь.

Чарльз

Hamaua

ИР

ИРЭН

Джунглы

Продолжение фото-альбома следует.

глава 2

Я - Наташа.

Молоденькая 18-летняя девочка из России, волею судьбы и благодаря охрененному количеству бабосов моего отца, я благополучно оказалась студенткой University of Cambridge.

Даже не стану спорить, что родилась с серебряной ложкой во рту. С самого детства мне было позволено все, о чем бы я ни попросила. Выполнялись любые мои прихоти за любые деньги. Даже на Луне мне реально принадлежит участок лунного песка размером в несколько тысяч акров, а в небе светит моя личная звезда, зарегистрированная на моё имя в Online Star Register Space-Earth Рос Астрономия.

Спрашивается, зачем мне эта хрень? Да захотела на тот момент, а отец не посмел отказать.

На планете Земля я обеспечена не хуже английской королевы. Замки, особняки, дома, квартиры, парки автомобилей, яхты, самолёты на всех континентах и во всех странах, где это считается престижным и выгодным.

Золото, драгоценности, личный модельный дом, эксклюзивный модельный ряд, банк.

Личная нефтяная скважина и золотоносный рудник.

Мужчины мечтают обо мне. Девушки пытаются дружить со мной, чтобы держать врага поближе. А я действительно их враг, потому что в любой момент могу отнять у них то,

что им принадлежит.

К своему возрасту я уже успела пройти огонь, воду и медные трубы.

Не удивляйтесь. Мне пришлось это испытать.

Спросите, для чего?

Не стану сейчас объяснять. Вы все узнаете позже.

А сейчас... мне надо как-то выжить, пошевелить булками и не сдохнуть. Я вообще-то шарюсь над бездной, на охеренной высоте, и под ногами у меня только воздух и бездонная пропасть. Помните?

Ничего! Еще не из таких передрыг выкарабкивалась.

Я не я буду, если допущу, чтобы наступил конец моей бесшабашной золотой мажорной жизни.

А вот хрен!

Не сдамся. Из принципа.

Только лишь потому, что в судьбе моей случилось непредвиденное. Чарльз Берлингтон, потомок знатной аристократической семьи, лорд-граф, студент 5 курса University of Cambridge, британский мажорчик отверг меня - девочку, которой никто не смеет отказывать.

Спрашивается, с какого перепугу и как он посмел? Ведь я получаю всё и всегда лишь по щелчку моего пальца. Он не прихуел часом?

Пролетая над бездной, вспоминаешь картины из своей жизни. Чего-чего?

Ага! Хрен там! Кто эту хуйню придумал? Что за маразота? Это сказочка такая, чтобы не страшно было? Тут летишь и ссышь кипятком, и вообще ни до чего. Какая нахер история жизни?

В общем, стала я падать и совершенно случайно ухватилась за рубашку этого козла, что меня толкнул. И если эта сволочь меня не вытянет, то мы упадём вместе с ним. Я уж постараюсь его с собой утянуть.

Он прямо зубами залязгал от злости и все равно ухмылялся. Представляете?

- Ну ты ж и сука конченная! Чё, жить хочешь? Ишь, как зацепилась, не отодрать.

Половина его тела свисала над страшной пропастью, а я над ней болталась, вцепившись в хрупкую материю его фраз-ной сорочки, которая уже трещала и рвалась. Когда за него ухватилась, ногтями разодрала ткань, и теперь она постепенно расслаивалась, рассыпалась в моей руке на кусочки и лоскутки, с каждой секундой уничтожая мои шансы на спасение.

С надрывом, истеричными нотками в голосе, вдобавок с хлынувшими из глаз обидными слезами я принялась его умолять.

- Чарльз. Прошу тебя. Помоги мне. Я сделаю все, что захочешь.

Он прям заржал.

- Ты сама отказалась. Помнишь?

- Я больше не буду. Прошу.

Ткань окончательно порвалась, оставив оторванный кусок рубахи в моей руке. Все. Держаться больше не за что. Я падаю.

Только и успела крикнуть ему в лицо:

- Ненавижу!

Закрыла глаза, чтобы ничего не видеть. Вот сейчас, когда я буду падать вниз, мне, наверное, и привидится что-либо из моей жизни, такой короткой и сумасшедшей.

Даже сразу и не поняла, пребывая в полном ахере, что я не лечу никуда, что кто-то очень сильный держит меня за руку. Крепко и надёжно.

Вытаращилась на него, снисходительно ухмыляющегося, и со злостью процедила:

- Какого хера ты меня спас? Я же тебя ненавижу?

Он снова заржал:

- Ну ты и сука отмороженная.

Выдернул меня на стену, отшвырнул вниз на твёрдую поверхность и спрыгнул.

Подогнув колени и обхватив себя руками, я лежала в позе эмбриона и...не плакала. Хотя моя нежная кожа на всех частях измученного напряжением тела была ободрана до крови и нещадно саднила. Наверняка нужна перевязка. Но сейчас было не до этого. Я закрыла глаза и ждала приказаний, когда услышала:

- Че разлеглась, пошли. Нас и так уже заждались.

Я не сдвинулась с места:

- Чего ты от меня хочешь?

- Ты знаешь.

- Я могу переспать с тобой. Зачем нам ещё кто-то?

- Я не собираюсь тебя трахать, девочка. В той комнате есть другие, кто будет это делать. А я...возможно посмотрю и развлекусь. Только если мне не будет скучно. Вставай.

- Зачем ты меня спас?

- Потому что теперь ты ненавидишь меня.

- Разве ненависть лучше любви?

- Мне нахер не сдалась твоя любовь, сука. Лучше любить злую анаконду, чем терпеть твою любовь.

А вот сейчас было обидно. Я поднялась, морщась от жгуче-саднящей боли. Ни разу даже не ойкнула. Не дожидется!

Выпялилась на него сухими, горящими от ненависти глазами.

- За что ты так со мной?

- Как?

- Жестоко.

- Поверь, это нормально. И еще. Запомни. Я не позволю, чтобы меня когда-нибудь любили. Никому не позволю, уяснила? Так что, я рад, что ты меня ненавидишь.

Я уставилась на него, конечно, потому что - нет, не уяснила. И ничего про него не поняла.

- Пошли, нас уже ждут.

Я предприняла последнюю попытку, придерживав немного

дверь, ведущую внутрь.

- И тебе совсем не будет меня жалко, когда они... сделают это со мной?

- Нет. С какой стати? Ты же не целка и все умеешь. Для тебя это не впервой. Правда же? Расслабься и получай удовольствие.

Скривила губы в горькой усмешке:

- Хорошо, как скажешь. Я получу удовольствие.

Он снова хмыкнул:

- Не сомневаюсь.

Мы шли и шли, преодолевая коридоры, переходы и лестницы. А я лихорадочно соображала, пытаюсь вывернуться из западни.

Итак.

Я спаслась и не погибла в страшной пропасти.

Поняла, что с Чарльзом говорить о любви запрещено.

Осознала, что теперь придётся его ненавидеть.

Стоп.

Если я стремилась попасть на эту тусу из-за своей любви к нему, то сейчас, когда я его ненавижу, наши договорённости утратили силу?

Я остановилась.

- Что опять?

- Если я теперь тебя не люблю, то есть, оставляю тебя в покое, то могу сейчас просто уйти из твоего дома, как будто меня здесь не было?

- Ох, заткнись, хитрожопая. Не прокатит. Ты уже здесь, прыга, и должна за это заплатить. А потом, чтобы я тебя больше не видел в радиусе километра от меня. Поняла? Ненавижу тупых сук.

Ну как с таким козлом разговаривать?!

Мы пришли. Показалось, что очень уж быстро добрались до этой страшной комнаты. Я бы, честно говоря, ещё походила, а потом бы под шумок улизнула. Но, как оказалось, моя хитрожопость не прокатит.

Он открыл дверь и мы вошли. Ничего не изменилось. Те же хари, только в профиль. Правда один из присутствующих парней, увидев меня, воскликнул:

- Наконец-то.

Скинул пиджак и начал расстёгивать рубашку.

Итак, друзья.

НАСТОЯТЕЛЬНО рекомендую включить сингл «Ohne Dich» группы Rammstein перед прочтением главы, чтобы, так сказать, проникнуться моментом.

И... по-о-ехали-и-и-!

Мне было похер на парня, что снимал рубашку.

Надо же, тварина, обрадовался, приготовился трахать девочку, то бишь, меня. Ну, готовься, уёбок, я тебе первому хуй откушу. Будешь нежно вспоминать обо мне в те моменты, когда судорожно захочешь поебаться и будешь всеми силами корячиться, чтобы твой крючок шевельнулся. Но, уве-

ряю тебя, с горечью примешь неизбежное: ты больше никогда и никого не сможешь трахнуть. Пожалуй, станешь первым из этой компашки, кому я отомщу. И не последним.

Так же, как отомстила той твари и троим его друзьям, что встретились мне в тёмном глухом закоулке, куда меня привела нелёгкая. С каждым из них, с помощью моего отца, конечно же, я разобралась буквально за короткое время, но очень чётко, в подробностях помню все, что они со мной сделали. Каждый. И что я сама потом приказала людям моего отца с ними сделать. С каждым. У меня на глазах.

А я смотрела и...наслаждалась. Местью.

Их воющим взхлёб визгом, что вырывался из широко раскрытых ртов с кровавой мешаниной внутри вместо зубов.

Звериным испугом в их глазах, когда они с искажёнными от ужаса харями смотрели на меня и слушали мои пожелания на тему, как они должны сдохнуть. Как же кайфово было наблюдать за их меняющимся в моменте выражением морды лица, когда люди моего отца приступали к исполнению приговора.

Реками крови, что хлестала фонтаном из их тел-обрубков.

А особенно видом отрезанных членов, впечатанных вместе с выбитыми зубами в их поганные рты до самого горла.

Они получили сполна. Не стоило трогать нежную и невинную девочку грязными руками и погаными членами.

Ибо деяниями своими вызвали в этот мир ДЬЯВОЛА В ЮБКЕ.

Меня – исчадие АДА.

Самое хреновое, что все эти годы, с самого моего 15-летия, я почти каждую ночь просыпаюсь в холодном поту, несмотря на потраченные моими родителями бабосы на психологов и остальных всевозможных мозгокрутов со всего мира. Даже в частной запредельно дорогой психушке пришлось пошароёбиться, чего уж греха таить.

Но... Не смотря на все усилия, не получается никак, сука, забыть.

Так что...

В этот момент все, происходившее в комнате, для меня было неважным, несущественным. Смешно, конечно, но я даже никакого внимания не обращала на то, что крафтили мои палачи, готовясь к предстоящей весёлой забаве. Вообще не чувствовала кринжа. Ведь хуже, чем со мной уже было, они ничего сделать не смогут.

Не в этом суть.

Непостижимым образом я залипла на нем, - Чарльзе, учителе, что так хладнокровно столкнул меня в пропасть, а затем снова притащил меня сюда, в этот вертеп. Точно ошалелая маньячка, следила за ним, не мигая, не отрываясь ни на секунду.

Он сразу же подошёл к бару и налил из бутылки в пузатенький стакан жидкость восхитительно вкусного шоколадного цвета. Бля, коньяк или бурбон. Я судорожно облизнула губы. Конкретный сушняк. С каким бы непостижимым удо-

вольствием я приняла на грудь этакой восхитительной жидкости.

Прокашлялась, сглотнула ком:

- А можно мне тоже?

Оторвавшись от стакана, взмахнул в мою сторону охренеть какими пушистыми ресницами. Кстати, зачем ему такие красивые глаза? Он не имеет права такие иметь, они ему нафиг не нужны, потому что никому не позволяет любить их. Вероятно, только матери?

Нахмурившись, снова между зубами процедил еле слышно. Боже, отчего я не заслужила нормальных слов? Только лишь ухмылки и ледяной тон.

- Нет, ты станешь невкусная. Если только воды.

В смысле!? Это чё за ёбтовую мать?! А я так надеялась нахуяриться, чтобы не увидеть эти рыла, пыхтящие на моем теле, не услышать и не почувствовать те неприятные, да что там говорить, ужасные вещи, что они собираются со мною сделать. Уж я-то на своей шкуре узнала такое, что этим юнцам-недоносам даже не снилось.

- Я и так уже невкусная. Внизу, где пел ваш любимый Rammstein, уже успела выпить алкоголя. Причём, дохренища.

- О, кстати, а девка права. Заведём-ка шарманку, чтобы никто не услышал, как она орет.

Глянул так насмешливо, протягивая мне стакан с минералкой.

- Любишь Rammstein?

- Нет.

- А зря, heavy metal возбуждает кровь и заглушает крики.

Ты не знала?

Бля, прям издевается надо мной.

Он стоял очень близко и смотрел на меня. Наблюдал, как дрожащими руками я держу стакан и пью минеральную, мать её, воду.

Выпила с такой жадностью, будто плеснула на каменку, на тлеющие внутри меня угли. Протянула ему пустой стакан, а он вдруг нежно коснулся моего лица и большим пальцем руки вытер с губ капли воды.

Что это было? И ведь выпялился на мой рот, не отрываясь. Ах, ну точно же! Он снова укусить меня хочет, как тогда, на крыше. А я уж подумала...

И действительно...ему на меня похер.

Отвернулся, хмыкнул, поставил стакан на столик и начал раздеваться.

Божечки, что он делает!? Я и так теку от одного его вида, несмотря на то что ненавижу его с некоторых пор. Это что за хер-нахер?

Скинув фрак и остатки разодранной мною рубашки, он остался обнажённым по пояс. Безумный красавец! Такой, какого я хочу себе. Навсегда. На всю жизнь.

Даже не поняла, что сказала это вслух:

- Чарльз. Ты очень красивый. Прошу тебя, женись на мне.

Он как раз включил грёбанный сингл на полную мощь, и я уже не расслышала его ухмылки. Только лишь увидела его огромные квадратные глаза, впечатанные в моё побледневшее лицо. Чёрные, звериные, с полыхающим огнём ненависти и злобы, его прекрасные глаза.

Под звуки оглушительно лязгающего рока он стремительно подлетел ко мне и со всего маху ударил по лицу так, что я совершенно ожидаемо отлетела и со всей дури приложилась о стену головой, спиной и задницей.

От боли, понятное дело, рухнула на пол, скрючившись и обхватив себя руками.

Ну, и конечно же... Из рта выплеснулась кровавая змейка, каплями растекающаяся по подбородку, шее, груди, отчаянно капающая на пол, пачкая шикарнейший персидский ковер.

Сквозь ресницы я смотрела на него, на них, что продолжали попивать бурбон. Никто из них даже не отреагировал. Что ж, он тут главный. Чарльз рулит.

Мой мучитель и любимый враг схватил меня за грудки, приставил к стене и медленно, наслаждаясь и постанывая, вылизал с моих губ и шеи кровь. А затем...взялся за бегунок молнии и потянул его вниз, медленно расстёгивая застёжку на моем блядском костюме «женщины-кошки».

От груди до промежности оголил моё тело, а затем рванул материю, обнажив ноги, до конца сорвав с меня одежду.

На мне остались лишь малюсенькие прозрачные стринги с миленьким принтом: крошечными бабочками и нежными цветочками. Обожаю эти трусики. Вернее, обожала. Они превратились в лоскутки, когда он, обнаружив на моем теле лишний сантиметр ткани, зацепил пятерней резинку и сорвал его.

Вот теперь я оказалась совершенно голая, точно на сцене в свете софитов перед многочисленными зрителями - кодлой похотливых самцов. Честно говоря, я бы и сама разделась, если бы речь шла о ночи любви с единственным любимым - Чарльзом. Вообще не вопрос.

Он стоял очень близко. Почему не уходит? Он же сделал своё дело. Ударил и раздел. Ещё бы пригласил друзей, чтобы они с радостью набросились на меня. И что же молчит?

Подняла голову и посмотрела ему в глаза. Мне нечего скрывать. Тело моё совершенно идеально. Знаю, что красива, и этого у меня не отнять. Как бы кто ни мечтал увидеть во мне хоть один изъян.

Так почему он смотрит? Ах, да. Опять забыла. Кровь же хлещет изо рта! Он ещё не все слизал. А если хорошо пощипет, так на теле найдёт ушибы и ссадины. Тоже можно их покусать и погрызть, если захочет. Так что, бля, закуска подана.

И точно. Он наклонился к моей груди и впился в неё зубами. Прямо, падла, в сосок. От боли я выгнулась, охнула и почувствовала его губы и язык. Облизывая, причмокивая от

наслаждения, он снова пил мою кровь.

Застонал и произнёс мне на ушко:

- Я знаю, что, если укушу тебя здесь, - он засунул пальцы в мою нежную, влажную дырочку, скользя между атласными губками взад и вперёд, взад и вперёд, - я попробую самый вкусный десерт из тех, что когда-либо пробовал.

От его рук, что заставили меня выгнуть спинку в безумном наслаждении, точно кошечка или похотливая сучка, я застонала и раздвинула ножки пошире. Для него. Для любимого ненавистного обидчика.

Итак. долбал Rammstein, «Ohne Dich», до одури впечатываясь в мой мозг.

О чем там поёт огромный немецкий мужик с проникновенным голосом?

«Я не могу быть без тебя, без тебя.

mit dir bin ich auch allein, ohne dich

С тобой я тоже один, без тебя.

Ohne dich zahl ich die Stunden, ohne dich

Когда ты не рядом, я считаю часы, без тебя.

mit dir stehen die Sekunden, Lohnen nicht

Когда ты со мной, время останавливается, не вознаграждая...»

Вот и все. Оргия началась.

Мое тело, похоть, слезы, боль, кровь.

Все как тогда, в тот страшный день. Мне снова хочется закрыть глаза и заснуть в собственной крови и чужой сперме,

чтобы больше никогда не проснуться.

Друзья, а теперь немного визуалов.
Наташа в студенческие годы.

Чарльз в студенческие годы.

Завтра Чарльза будет побольше.

В общем, пишите, как вам наши герои. Не забывайте подписаться на автора, поставить звездочку в карточке книги и отложить книгу в библиотеку.

Пошла наслаждаться массажем. До завтра.

Ваш автор.

глава 3

Я морально и физически готовилась.

К тому, что называется физическим насилием над человеком, женщиной, нежной и ранимой. Она не предназначена для этого. На этой планете ей суждено играть другую роль. Любить, рожать, быть счастливой мамой и женой, а через много-много лет - бабушкой, безмерно обожающей своих внуков.

Но сегодня волею тварей, похотливых уродов я вынуждена смириться, перетерпеть и запомнить.

Всех запомнить. А потом отомстить. Всем четверым. И ему - Чарльзу Берлингтону, любимому врагу, Дьяволу, моей половинке. Я нашла его среди множества мужчин и знаю, что он - моя вторая половинка. Он все равно станет моим. Только пока об этом не догадывается.

Вопрос: нужен ли мне человек, что хотел убить меня, а потом отдал на растерзание своим шестеркам? Да, вот такая я больная, сумасшедшая очумечка. Я люблю, больной, безумной, грязной любовью. Люблю, и ничего не могу с собой поделать.

А сейчас мне не до него. Сейчас мне надо все пережить, чтобы остаться для него живой и по-возможности не сойти с ума. И помнить, помнить о том дне... Потому что тогда было страшнее, чем сейчас. Страшнее.

Год летел за годом... Ноябрьём субботним

Ожил мрак под сводом грязной подворотни:

Мир в пучине плотских унижений,

Чистый разум плавил ад чужих вторжений.

Вдох на выдох — схватка. Чёт на нечет — выжить.

Чёт под землю рухнуть, нечет взмыть над крышей.

Шансы ветер носит в гвалте птичьей стаи.

Под неслышный выдох шанс на “завтра” тает...

Лай собачий... Крики... Визг колёс.. Сирена...

Лампы. Запах хлора. Скрип пружин в шеренгу...

Утра, дни смешались... Зелень стен палаты...

...Море, тёплый вечер... Быть одной — чревато..

Сколько лет минуло? Не изжить за сотни

Время, что застыло в бездне подворотни.

(Анастасия Лескова)

- Ммммм, девочка, течёшь, как последняя сука, вся пи-

сечка мокренькая. Джуси-пусечка прям дуром сочится. Хочешь меня, да?

Самодовольный, избалованный индюк, что завладел моим сердцем.

- Да, да, - я шептала, кайфуя от его ласк и внимания, что, наконец, он мне уделил, что не холоден больше со мною и не груб.

Секундочки счастья, мимолётного и хрупкого, промелькнувшие в моей душе, рассыпаясь звоном хрустальных капелек, яркими звёздочками и щекотными бабочками внизу живота.

Он ласково поглаживал меня между ног, одной рукой припечатывая к стене, чтобы я не свалилась от дичайшего тремора, а другой вдруг сильно нажал на клитор, массируя большим пальцем маленькую дрожащую пуговку, пощипывая её и царапая ноготком.

Я не выдержала, закричала от вспыхнувшего вдруг удовольствия, выгнулась и начала сползать по стене. Ноги задрожали, колени подогнулись, голова закружилась, но он вовремя подхватил меня на руки, прижав к обнажённому торсу, заставляя терять остатки разума.

Не понимала, что вообще я делаю и говорю в жарком ознобе от дикой похоти:

- Чарльз, возьми меня, возьми. Я хочу тебя, милый, пожалуйста. Только пусть они уйдут, прошу тебя.

Но в ответ он резанул тем же замогильным тоном:

- Не бойся. Это будет приятно. Мы просто поиграем с тобой, малышка.

Он положил меня на кровать и раздвинул мне ножки пошире, поглаживая тёплой крепкой ладонью внутреннюю сторону бедра.

- Вот так, лежи пока спокойно.

Краем глаза я заметила какое-то движение и обернулась, ахнула и затряслась. Уж не знаю, от страха, или похоти, меня обуявшей. Сама себя не разберу.

Один из его друзей, полностью голый, стремительно приближался к кровати, чтобы к нам присоединиться. Наверное, так ему невтерпёж было меня оттрахать, что даже не стал дожидаться отмашки от Чарльза.

А тот даже не поднял головы в его сторону, лишь отрезал:

- Не сейчас, Алекс.

- Окей, бро, не вопрос. Твоя подача.

Не отрывая от меня глаз, Чарльз хищно оскалился:

- Сначала я тебя попользую. Хорошо, киска? Бля, жалко, что ты не целка. Отодрал бы с удовольствием. Ну, у тебя самой есть какие-либо там пожелания? Секс-мечты, например? Как бы ты хотела, чтобы тебя трахнули? Может быть, поза или игрушка, которая тебя заводит? Любой каприз за ваши деньги.

- Я не хочу, чтобы меня трахали, и хочу уйти отсюда. И вообще, я вас всех запомнила.

Его глаза потемнели, превратившись в звериные и масля-

ные:

- Плохая девочка. Ну-ка открой рот, быстро!

Я сжала кулачки от противного предчувствия, практически уверенная в ожидающем меня пиздеце. Похоже, снова навлекла проблемы на свою задницу в прямом и переносном смысле.

- Зачем?

Он повторил, громко, чётко, с расстановкой:

- Я. Сказал. Открой. Рот.

Больше не стал уговаривать, а очень сильно и больно дёрнул меня за подбородок.

- Ну!?

Стоило разомкнуть губы, как он засунул в мой рот что-то огромное и железное, больно клацнувшее по зубам. Впихнул в меня невпихуемое так глубоко, что бедное моё горло начало кукожиться, сразу же невыносимо жутко затошнило и из глаз брызнули непрошеные, обидные слезы.

Я замычала, вытаращила глаза, цепляясь за его руки.

- Осторожно, не лапай. Нажмёшь случайно на курок, дура. Ну что? Поняла теперь, что тебя ждёт, если ты не будешь правильно отвечать на мои вопросы? Эта игрушка всегда со мной. Пристрелю и не поморщусь, снесу тебе полбашки и скину в пропасть. Поняла?

Он ещё глубже впихнул ствол в моё горло. У меня аж в глазах потемнело.

- Кивни, если поняла.

- М-м-м-м, - я закивала, больно лязгая зубами об огромную железяку у меня во рту.

Он снова противно скривил рот, ослабил хватку и вытащил из моего рта пистолет.

Снова получив доступ к кислороду, я судорожно закашлялась, вытирая слезы, хлынувшие из глаз.

- Ну-у-у, не хнычь. Я сказал «расслабься». И раздвинь уже, наконец, ноги.

Что ж, я подчинилась. Но запомнила. Все запомнила.

Чарльз, мой ненавистный Дьявол склонился ко мне и... погладил по голове.

- Су-у-ученька. Я немного потерзаю тебя, не кричи сильно. Хорошо?

С огромными от страха глазами я снова закивала головой.

- А перед этим я вставлю в тебя штучку, не бойся, я ее уже смазал, - он вынул из кармана брюк коробочку и взял двумя пальцами маленькое, голубенькое яйцо с хвостиком.

Это что еще за хер-нахер? Маньяк больной!

Углубился пальцами в мою дырочку между ног и засунул туда яйцо. О-о-о, это что-то удивительное. Я сразу же почувствовала, как эта штучка работает, отправляя в моё тело импульсы и заставляя испытывать постоянное возбуждение, длящуюся похоть, сводившую с ума. Боже, враг мой! Что ты со мной делаешь!?

А враг мой с улыбкой на губах приступил к еде, что лежала рядом с ним, - голая и трепещущая от страха, ну... теперь

и от наслаждения тоже.

Точно дикое животное, обнюхал меня, дрожащую словно в ознобе. Он будто упивался ароматом страха и возбуждения, что источала моя кожа.

- Ммммм, вкусная, бешеная, порочная. Дофамин прямо так и хлещет из тебя.

Он наклонялся все ближе и ближе к моему лицу. Его глаза все больше темнели, загораясь каким-то звериным, лихорадочным блеском.

Я все поняла. Он начинает кровавый ужин.

Мучитель впился в мой рот, всосавшись в губы, скользнул между ними горячим, требовательным языком и с силой впился зубами в мой язык, больно проткнув резцами самый кончик. Пососал выступившую кровь, постанывая и одновременно лаская жёсткими пальцами мою шейку, а затем порвал губы, прокусив насквозь, чтобы выпустить кровь, жадно вылизывая вытекающую из раны тёплую алую струйку.

Я не понимала своё тело. Ловила кайф от каждого его прикосновения, ласки, поцелуя. Даже от укуса. Что это была за хрень, неподвластная моему телу? Вероятно, так действовало пульсирующее яйцо в моей норке, обманка, подлая игрушка, что превращает меня в похотливую суку?

Он снова и снова продолжал меня мучить.

Крепкой рукой больно обхватил мою грудь, перебирая сильными пальцами соски, потирая и сжимая их так сильно,

что мне оставалось только выгибаться ему навстречу, выставывая из горла боль и наслаждение.

Оставив мои истерзанные губы, он прокусил кожу на моей шее и принялся снова пить кровь, с силой засасывая место укуса и оставляя на теле страшные синюшные засосы, утробно урча и довольно мурлыкая, точно здоровенный хищный котёнок.

- Мммм, сладкая девочка, вкусная.

Его руки, ласкающие грудь, спустились ниже, поглаживая мой животик, потом ещё ниже, где я была горячая и мокрая. Он прокусил мои соски, и я почувствовала, как по груди и животу хлынули тёплые струйки. Он снова с жадностью принялся вылизывать мои груди, пока ранки не затянулись, а я все это время чуть ли не кидалась на стену от бешеного возбуждения и одуряющего сознания желания, чтобы меня, наконец, поимели, трахнули со свистом, чтобы дух захватило.

Но вместо траха... Похоже, он меня просто съел, выпил до дна, до последней капельки крови.

Хотя нет! Он же хотел попробовать пироженку между ног. Точно!

Вот. Как раз сполз к моим ногам.

- Согни их в коленочках и широко раздвинь, малышка.

Конечно же, я выполнила его приказ. Я была такая сумасшедшая, что чуть ли не кричала ему, чтобы он поторопился и полакомился, наконец, сладкой ягодкой между ног.

Он склонил голову к моей промежности и... о, божечки,

впился губами и языком в мои влажные, горячие, атласные губки, жёстко вылизывая дырочку внутри, очень-очень глубоко. Боже!

О-о-о! Там и так все остро и горячо! Там же эта игрушка, что мучает меня и не позволяет расслабиться! Я закричала, выгнулась ему навстречу, ещё шире раздвигая для него ноги. А потом он надкусил мою нежную розочку, и, искромсав резцами, порвал.

- О-о-о. сучка, какой же у тебя сладкий клитерок! Я так и знал. Моя девочка, вкусная малышка!

Он шептал и шептал горячие словечки, ещё больше возбуждая мою похоть, сосал клитор и лизал складочки между атласными губками, обильно сочащиеся соком, тщательно вылизывая кровь, пока я не забилась в потрясающе охренительных спазмах, испытал оглушительный оргазм.

Ох, не ожидала, что я настолько испорченная. Меня принуждают, угрожают, рвут на части, а я кончаю, как последняя шлюха.

Я застыла, выгнув спинку и запрокинув голову, не прекращая стонать и вскрикивать от накатывающихся на меня волн атомного взрыва, одну за другой, снова и снова, что заставляли мое тело содрогаться, а рот - кричать, стонать, бесвязно шепча порочным языком бесстыдные слова.

Он рухнул рядом, стонущий, потный, со счастливой, удовлетворённой миной на лице.

- Бля! Как будто целочку трахнул. Вкусная и свеженькая.

Проси, чего хочешь. Ну, кроме того, чтобы тебя отпустить.

Он лёг на бок рядом со мной, подперев рукой голову, и смотрел, смотрел, смотрел на меня.

Я вдруг почувствовала надежду, что неожиданно-негаданно забрезжила на моем горизонте.

- Трахни меня, Чарльз. Хочу, чтобы ты вошёл в меня и трахал, сколько захочешь и куда захочешь. Только ты один. Прошу. Сколько захочешь.

- Хм. Хитрая пронира. Тебе... лучше не знать, как я люблю трахаться. Лучше не знать.

Он задумался о чем-то своём, улыбнулся, засунул пальцы в мою промежность, выдернув яйцо за хвостик, и обернулся к друзьям, что все это время наблюдали за нами и, походу, ловили кайф, по-простому, драчили:

- Все, достаточно. Готовьте стол и привязывайте её.

Мой прекрасный Аполлон, мой обидчик и враг вскочил с кровати, оставив меня в одиночестве, и, не глядя в мою сторону, отчеканил:

- Прости, киса. Попытка была неудачной. Ты проебала свой шанс.

- Подожди! Скажи, что я должна была пожелать?

- Правда? Ты хочешь узнать? Да все что угодно, кроме меня. А теперь просто закрой рот. Он тебе сегодня очень понадобится. Ну... и все остальные твои отверстия тоже.

С ужасом и слезами на глазах я наблюдала, как его друзья - мои враги готовили место для пытки. Очень тщательно

и старательно, предвкушая горячее блюдо в виде меня, глупенькой молоденькой девочки, что попалась в западню как последняя дура.

Друзья.

Обещала визуалы ЧАРЛЬЗА БЕРЛИНГТОНА.

Полюбуйтесь на красавчика. Как можно его не хотеть? Не понимаю. Сама бы не прочь замутить, не то что Наташка.

Ну вот он. Готовится сыграть свою роль. И как может такой красавчик быть супержестоким? Не понимаю.

Мои любимые. Пишу для вас, не сплю по полночи тоже для вас, совмещая свою работу с писательством. Вы уже поддержите меня подписками, сердечками (звездочками) в карточке книги, отложите книгу в библиотеку и обязательно пишите комменты. Мне все это безумно помогает кроме синглов Рамштайна и британской готической музыки, что идеально вписались в настроение книги. Кстати, готовлю сюрприз.

Буктрейлер под музыку Рамштайна. Полный улет! Скоро будет готов.

Что ж, а завтра... тяжелая глава. Пожелайте мне удачи ее написать.

Люблю. До встречи завтра на моей странице. Ваш автор.

глава 4

Если кто-нибудь из этих ублюдков до меня дотронется, то умрет страшной смертью.

Я это знаю, потому что в этот раз, если останусь жива после устроенной оголтелыми мудаками оргии, я лично, собственными руками буду их убивать. В этот раз не стану смотреть, как это делают люди моего отца, а сама, лично буду их уничтожать медленно, мучительно и кроваво.

Сквозь ресницы наблюдала, как они готовят какой-то там стол непонятного предназначения, а потом все же решилась и попыталась еще раз достучаться до их мозгов, если, конечно, они есть, причем таким же замогильным тоном, каким разговаривает их обожаемый дружок Чарльз:

- Если вы сейчас же меня не отпустите, то умрете. Вы просто не знаете, с кем связались, и кто мой отец.

Услышав мои слова, они сначала застыли, но, как оказалось, буквально на две секунды. А потом стали ржать.

Особенно громко и идиотски подхихикивал голый Алекс, у которого от моих слов сразу же встал член и на моих глазах охренеть как увеличился в размерах. Так вот что возбуждает этого козла! Умереть, не встать! Извращенец! Походу, они тут все голимые извращуги - дегенераты.

Они ржали и ржали, все сильнее выбешивая, заставляя уже сейчас придумывать и мысленно рисовать картинки

в моей кипящей от необузданной ненависти головке, как именно я буду мстить. Каждому. И как стану убивать. Каждого из них. Самое главное – я буду делать это бесконечно медленно. Ммммм, прям предвкушаю. И не менее важно, что уничтожу их чудовищно и жестоко. Кайф!

Да, возможно, это несколько...бесчеловечно с моей стороны. Но разве они со мной поступают по-человечески?

Даже не стану больше думать об этом. Я все решила.

Как только выберусь отсюда, придется сразу же вызывать человека моего отца, что специально остался в этой стране на случай непредвиденных сложностей на все время моей учебы в универе. Отец приказал приглядывать за мной, чтобы быстро отреагировать на проблему и вытащить меня из передрыги, если я куда-то вляпаюсь. После того случая...много лет назад мой отец перестраховался и предпринял все необходимое для моей безопасности.

Блин, вот как раз и встряла я в полную задницу как последняя дура. Идиотка! Какого хера попёрлась сюда? Любовь, видите ли. А еще настырная упертость. Из принципа хотелось попасть на приватную вечеринку к наглому мажору-красавчику. Вот и попала, дура! Накушаюсь пиздеца по полной! Мало не покажется.

Знал бы мой отец, что я опять в заднице. Камня на камне не оставил бы от этого замка. Но, к сожалению... И человек-то сидит на стреме и наверное ждет не дождется моего звонка. Если, типа, не звоню, значит все норм. А какое тут

нахер норм? Здесь со мной полный ахуй!

Очень жаль, сука, что мой сотовый лежит внизу, в холле замка, в личной ячейке в гардеробе. При входе на праздник каждый гость по требованию устроителей праздника оставил там свои телефоны и фотоаппараты. Слишком уж приватным был этот прием. Съемка строго запрещена. Вот и осталась я без средств связи, как последняя тупица.

В панике наблюдала за этими уродами, пока не почувствовала на себе взгляд.

Чарльз очень удобно в расслабленной позе развалился в кожаном кресле и попивал бурбон. Или коньяк. Он не улыбался в отличие от своих друзей, а внимательно смотрел на меня.

И я решилась. Пусть в моем голосе наверняка зазвучат истеричные нотки, точно я голимая базарная баба. Но я на взводе, понятное дело. И сейчас, в эту самую минуту, решалась моя судьба.

Стану ли я еще отвратительней, чем сейчас? Походу, я и так уже вымазалась по уши в чужой крови после того страшного дня. Я и так уже преступница, которой нет прощения. Боженька точно не пустит меня в рай в тот благословенный миг, когда придет время, и я сдохну.

Так стоит ли еще больше усугублять мое шаткое положение, усиливая ненависть к жизни, которой живу? Самое болезненное в ней – это память. Злобная, жгучая, сочащаяся гноем, воющая невыносимой болью моих врагов, вымазанных в

собственных испражнениях от ужаса, что я им внушила.

Стоит ли трогать меня и заставлять принимать на девичью измученную душу еще больше смертных грехов? После этого и вовсе станет жизнь не мила. Не по силам молоденькой девчонке взваливать на себя столь тяжкий груз.

- Чарльз. Прошу тебя. Не позволяй им меня трогать.

- И почему это, интересно?

- Я их всех убью.

- И как, интересно, ты их убьешь? Лопатой по башке, при-
таившись за углом здания в универе?

- Нет. Я отрежу им члены и засуну в их поганые рты. То же самое я уже сделала с теми, кто меня изнасиловал в 15 лет.

- Ух, ты! Сама отрезала?

- Люди моего отца.

- А кто у нас отец?

- Русский олигарх.

- Хм. Так он далеко, в вашей медвежьей стране. Здесь же его нет. Впрочем, сама у них спроси. Если они испугаются и откажутся тебя трахнуть, я их пойму.

Он ухмыльнулся и оглядел троицу жаждущих извращен-
ный козлов:

- Друзья. Тут телочка пригрозила, что ее папашка, рус-
ский медведь-олигарх, отомстит за нее и вас прибьет, если
вы ее трахнете. Я вас пойму, если забьете на трах и дадите
ей пинка под зад, вышвырнув из моего дома. Порядком, она
мне и самому надоела.

Я офигела от их тупости и недалёковидности, когда эти дураки заржали.

- Ну да, конечно. Перестремались, очканули и обделались. Пошла нахуй, дура, и не таких кобылиц объезжали.

- Пойми нас, бро. Ты эту ягодку распробовал, а мы задолбались концы кулачками тягать. Нам, походу, тоже надо пар выпустить. Я прямо уже кончаю от одной только картинки перед глазами, как я ее поймею. Она же, сука, сла-а-адкая, бро. Правда же?

- Хм. Правда. Охуенно сладкая. Что ж... наслаждайтесь.

Он снова налил в пузатенький стакан горячительного:

- Прости, малыш. Ничего личного, - посмотрел на меня, прибавил громкость надрывающегося, долбающего по перепонкам музыкального сингла Рамштайн и пригубил немного бурбона, перекаывая влагу языком во рту, чтобы напиток вплавился в рецепторы. Конкретный кайф!

Что ж, я попыталась. Они отказались.

А теперь - только месть. Страшная и жестокая. Эти олухи сами так решили.

Никогда. Никому. Не прощу.

Он, голый и ухмыляющийся (я так поняла, что это – Алекс) подошел к кровати, где я все еще лежала. Кивнул мне, блядски подмигивая, радостный такой, веселый, и неудачно пошутил:

- Ну че, пошли. Сама, или за шкурку тебя тащить?

- За шкуру.

Он вылупился, схватил меня за волосы и дернул к себе.

А я, бля, не растерялась. Вскочила и коленом захерачила ему по яйцам и стоячему пимболу.

- Ах ты, су-ууу...

Я прям тащи́лась, когда он скрючился и рухнул на пол.

Но я рано радовалась. Парень, блондинчик, похожий на огромного мускулистого скандинава, резко развернул меня к себе и наотмашь ударил по лицу. У меня аж искры из глаз посыпались. Мне даже показалось, что я временно ослепла, точно в обморок плюхнулась.

Вероятно, так и было. Очну́лась, когда мои ноги и руки привязывали к столу. Очень больно и грубо.

А потом я почувствовала, как меня облизывают, кусают и целуют сразу двое, одновременно терзая губами и языками мой рот, высасывая и тиская мои груди, живот, ноги, влажную, сочащуюся соком ложбинку между ног, жамкают попку, солнышко между булочками и спинку. То есть, всю меня.

- Ох, а она мокренькая. Сучка. А еще упиралась, стерва развратная! А какая сладкая, сил нет. Везде хочу ее поиметь. Во все дырочки по очереди.

- Ха-ха, и я тоже.

И они имели. Оба по очереди и одновременно. Медленно и быстро. Грубо, мерзко проникая в маленькую дырочку между ног и в нежную узенькую попку.

Не жалели, раздирая, разрывая и мучая.

Снова и снова, взад-вперед, вверх- вниз, снова и снова. Бесконечно.

Я терпела и ждала, пока твари Алексу не пришла мысль трахнуть меня в рот. Я как раз ждала этого. Ждала и ждала.

Сильные руки приподняли меня и с силой нанизали на огромный член скандинава. Не знаю, как он уместился у меня между ног. Точно проткнул меня насквозь.

Двумя парами рук с силой натягивали меня на его эрегированный отросток, а он лежал и орал:

- О-о-о, какая тесная, горячая. Сука, такой еще никогда у меня не было. Детка! Ты - лучшая.

Тварь!!! Что б ты сдох! Чтобы крючок твой засох навсегда!

Натянув меня сверху на член скандинава, точно на кол, с силой нажали на мою спинку, наклонили вперед и прижали к нему животом и грудью. Почувствовала, как сзади кто-то жамкает мои булочки. Вздрыгнула, когда в попку сначала просунули два пальца, смазывая отверстие, а потом, почувствовав резкую боль, я нутужно, с надрывом закричала, ощутив в себе грубое мучительное двойное проникновение.

Кричала и стонала со слезами на глазах. И... умоляюще смотрела на него, Чарльза. Меня жестоко трахали, а он просто смотрел, скривив губы в ухмылке. И только. Никакой реакции.

Боже, почему я влюбилась в такого...

Гнев в моей душе все нарастал и нарастал. Злость и обида.

Ну, кто первый попробует моих зубов?

И я дождалась.

Алекса немного отпустило после моего хуе-апперкота. И он, дурак, решил использовать мой рот.

Подошел и ткнул членом в мои губы.

- Открой ротик, малышка. Пососи его, плохая девочка, что сделала ему бо-бо.

Ну, уёбок, ща я тебя приласкаю!

Я впустила его член к себе в рот и с силой сжала челюсти, откусив кусок и напрочь разодрав его хер.

Улыбнулась и выплюнула кровящую с окровавленным куском плоти в харю скандинаву, что лежал подо мной, потому что рожи Алекса рядом со мной уже не было. Он завизжал дурным голосом и рухнул в обморок, уливаясь кровью.

Все члены из меня мигом выскочили, потому что скукожились от страха. Но вот что было херово. Два мускулистых амбала, вынув из меня свои члены, жахнули меня на пол и стали избивать. Руками и ногами. Ударяли везде, куда попадали. Сильно, жестко, с оттягом и удовольствием.

До тех пор, пока...

Он подлетел и отшвырнул своих друзей от моего измученного, изнасилованного и избитого тела.

- Хорош, бя. Убьете! Все, вечеринка закончена. Тащите этого недоноска к врачу на первый этаж. Быстро!

Как только они ушли и утащили обгрызенного и изливающегося кровью дружка, Чарльз схватил меня на руки и при-

жал к себе.

Перед тем, как потерять сознание, я услышала:

- Прости, девочка.

Или мне это только показалось? Ведь так хотелось когда-нибудь это услышать.

Дрожащая, голая, уничтоженная прижималась к нему, не поверив в то, что сейчас со мной произошло.

Он все-таки защитил меня. Не позволил убить. Пожалел. Значит, ему не совсем уж на меня наплевать?

Застонала от боли, когда он положил меня на кровать и укрыл тёплым пушистым пледом.

- Как ты?

Он сел рядом со мной, и его лицо уже не было таким равнодушным, как раньше. Или мне снова это показалось, и ему, как всегда, на меня похер?

- Дебильный вопрос, Чарльз. А ты как думаешь?

Я охрипла, еле шевелила губами, но...

- Может ты мне всё-таки нальёшь? Уже давно хочу нахерачиться, чтобы не видеть ваши хари. Или опять откажешь? Снова станешь пить мою кровь?

Улыбнулся, даже вроде как-то тепло. Или опять показалось? Не может этот козёл тепло улыбаться. У него сердца нет.

- Что ж, налью. Нахуячься и поспи. Тебе врач нужен?

Я аж возмутилась. Так мне обидно стало! Я, бля, вся раздолбанная, расхераченая, уёбшая, а он спрашивает про моё

здоровье. Охуеть, не встать!

- Пожалел волк кобылу, сука. Меня потом осмотрит мой личный врач. Наливай давай.

- С охуенным членом?

Я аж офигела. Это что, ревность? Не-е-е, мне точно показалось.

- Кто?

- Врач?

- С фонендоскопом.

Он заржал, как конь, поднялся, налил мне целый пузатенький стакан охуенно ароматной спиртосодержащей жидкости и принёс мне. Бля, прям всклинь. Даже заметно было, как коньячные молекулы натягиваются, цепляясь за края стакана, не позволяя пролиться на персидский ковёр ни малейшей капле драгоценной жидкости.

- Всё-таки, ты пиздец какая отмороженная!

Прям чуть не выдернула стакан из его руки. Еще силы остались. Удивительно!

- А тебе какая разница? Тебе на меня все равно похуй. Ты вообще меня убить хотел.

О-о-о! Маленькими глоточками, выкатывая на языке, чтобы вкус вплавился в рецепторы. Как на каменку, сука! Как же давно я мечтала! Как чуяла, что Чарльз кайфует, попивая мой любимый коньяк Henri IV Dudognon Heritage Cognac Grande Champagne. Я это длинное название наизусть выучила.

Мммм!

- Мой любимый коньяк! Наконец-то! А то засохла бы, как последняя падла. Чуть не дал мне сдохнуть от жажды, козлина.

- Натаха. Не нарывайся, а то отниму.

- Ага, только через мой труп.

Наслаждалась живительной, крышесносной жидкостью, немного начала расслабляться, постепенно отгоняя от себя впечатления от охренительно приправленной жгучим перцем приватной вечеринки, куда я так усиленно стремилась попасть. Попала, бля, на свою жопу. Теперь в копилке моих грёбанных снов будет ещё одна ночь, кроме той, страшной и отвратительной, что приключилась со мной много лет назад.

Сколько раз я пробиралась тайком в кабинет отца, залезала в битком набитый алкоголем винный шкаф, открыв скрепкой крепко запертый замок, и потихоньку попивала именно такой сорт коньяка, охуенно дорогой и безумно вкусный.

Только лишь после трёх, четырёх стопочек, принятых на грудь, прекращались мои ужасные сны, запредельно красочно и смачно повторяющиеся снова и снова, ночь за ночью, пока я не просыпалась в поту, точно мокрая кошка, крича и рыдая от невыносимого ощущения животного страха, проникающего внутрь, обволакивающего меня, точно липкая лента.

В такие моменты тяжёлого сна я вдруг на некоторое время

прекращала дышать, будто мой организм отказывался жить. Ещё чуть-чуть, и я бы умерла, избавившись от осколков памяти, что резали меня изнутри, заставляя захлёбываться от собственной крови.

Но затем, будто вспомнив о том, что я совсем ещё девочка, у которой все впереди, которой надо жить, потому что в судьбе её есть что-то такое, чего ещё не произошло. Она еще не встретила свою любовь.

На тот момент - это правда. Не встретила.

Я не люблю вспоминать тот день, но сны не позволяют забыть и спокойно жить так, как живут обычные девчонки в 18 лет.

Даже любопытно, какой бы я была, если бы...

Наверное, обычной избалованной мажоркой, московской чикой: тупой и манерной, обряженной в кислотно-розовые тряпки из последней коллекции модного дизайнера, с накаченными губищами, сиськами и жопой.

Так и вижу, как с довольной и высокомерной миной, в полнейшем неадеквате рассекаю с мальчиками-мажорами на их крутых тачках на запредельно оголтелой скорости, визжа и кайфуя от бурлящего в организме мощного адреналина, потихоньку балуюсь травкой, боязливо озираясь по сторонам, запивая дымный запах изо рта ликёрчиком или фруктовым пивом

Не-е-е! Я никогда бы не была тупой. Мозги у меня всегда

имелись, даже умудрялась хорошо учиться.

Но в школе очень плохо себя вела. И с мальчиками, и с девочками. Потому что все они были дураками и дурами.

Там я была королевой. Красивая, породистая и умная.

Мальчишки от мала до велика были влюблены в меня. Девчонки ненавидели. Что ж, всем хотелось любви и дружбы, а мальчишки, в упор не замечая своих одноклассниц, западали исключительно на меня. Уж извините. Ничего не поделаешь. Я точно не старалась никого охмурить, а ждала одного единственного, любимого, что обязательно должен встретиться мне по судьбе. Я ждала и не сомневалась, что этот день наступит.

А пока я упивалась вниманием одноклассников, пылающих ко мне безответной любовью, и беззастенчиво пользовалась этим. Каждый из мальчишек считал честью и своим долгом выполнить любое моё желание. Ну и выполняли, дурашки.

Особенно один из них.

Егор Громов. Залип на меня конкретно крышесносно, точно заболел мною. Что ж, было очень приятно постоянно видеть рядом с собой раба, послушного и готового на все. Он смотрел на меня так, словно я божество, нимфа, что-то волшебное и эфемерное. Даже мне было забавно видеть этот его мечтательный взгляд, направленный на меня. Как он учился на «пятёрки», не понимаю. Ведь вместо того, чтобы слушать

учителя и смотреть на доску или в учебник, он не отрывал от меня глаз.

Он был таким чистым, непосредственным, с открытым сердцем, точно говорил мне: «На, бери его. Оно твоё. Делай с ним, что хочешь. Можешь разбить. Но я навечно твой раб».

А я упивалась этой его искренностью и чистотой. Он был словно лучик солнца, что грел меня и напитывал добрым, влюблённым в меня теплом.

И, да, я тоже начинала к нему привыкать. Когда он вдруг не приходил в школу, я места себе не находила. Все оглядывалась по сторонам и искала глазами знакомую фигуру, спешащую чуть ли не бегом в мою сторону. Но, когда не находила его, то переживала сильно: куда же делся мой верный оруженосец?

Как-то узнала, что он приболел и лежит дома с температурой, и припёрлась к нему с мандаринами и малиновым вареньем. Он, бледный и осунувшийся, с испариной на лбу лежал в постели и так трогательно дрожал, когда я присела рядом с ним, накрыв ладошкой его пышущую от высокой температуры руку.

Так и дружили мы с Егором чистой, непорочной, искренней дружбой. Даже я наивно предполагала, что Егор – это он и есть мой суженый. Думала, что вот мы вырастем, поженимся, и у нас будет любовь, огромный дом и дети.

Об этом и мечтала до того самого дня – дня моего рождения.

Я потянулась, застонала от боли и окончательно проснулась.

Офигеть. Кожа горит, голова тяжёлая, губы распухшие, ниже пояса во всех дырочках тянет и саднит. На всем теле нет живого места. Уроды знатно постарались.

Открыла глаза и офигела.

Я, голая и покоцанная, лежу на чем-то обнажённом мускулисто-волосатом теле, обнимая рукой каменный кубический торс и бесстыдно уткнувшись лицом в чью-то крепкую шею.

Отлепилась, приподняла голову...

Боже, Чарльз!

Он тоже проснулся и уставился на меня с такой снисходительной ухмылкой, что мне аж по башке ему треснуть захотелось.

Отпрянула и завернулась в одеяло, прикрыв себя до подбородка.

- Хм, чего прячешься? Я тебя уже всякую видел.

- Что ты здесь делаешь?

- Вообще-то, это одна из моих комнат. Где же мне быть?

- В другой комнате, например.

- Ну, ты была такая хорошенькая, пьяненькая и миленькая, что я не удержался и прилёг с тобой рядом. И потом, ты очень сильно кричала во сне. Пришлось тебя успокаивать.

- Кричала?

- Да. Не трогайте, типа, меня, отпустите. Так что, пришлось тебя усмирять.

- Как усмирять?

- Поцелуи не помогли. Так что, пришёл врач и сделал укол. И ты поспала. Хорошо отдохнула?

- Нормально.

- Ну, а теперь тебе не кажется, что пора и честь знать?

- В смысле?

- Давай, вали в универ. Не помнишь, что сегодня в нашем кампусе перекличка? Будут по списку проверять, кто явился, а кого пора отчислить.

- Ты тоже поедешь?

- Нет, я просто позвоню. А насчёт тебя... Повторюсь, если ты не вкурила. Если я ещё хоть раз увижу тебя рядом со мной, грохну и выкину твою требуху на корм собакам. Все ли поняла, болезная?

Ну я же сказала, что ему на меня похер. Даже не сомневайся, Чарльз. Я все поняла и всех запомнила.

Друзья. Большая просьба устроить для меня маленький праздник. Жду ваши лайки (звездочки) на карточке книги, библы и комменты. Надо позарез! Ваш клевый автор.

глава 5

Стояла, переминаясь с ноги на ногу, куталась в пушистый плед и пялилась на Чарльза. Даже немножко стеснялась его в свете последних событий. Как вспомнила, что он со мной делал, и что делали со мной его друзья...

Вспыхнула от стыда.

Странно, давно я себя так не чувствовала, чтобы чего-то стыдиться.

С того злополучного дня моего пятнадцатилетия.

Порвали меня тогда, изуродовали страшно. Не жалели, не слушали мои крики и даже обрадовались, когда узнали, что я - целка, мол, больше кайфа получают.

Ох не буду сейчас вспоминать об этом. Потом как-нибудь расскажу.

И вот тогда я загремела в больницу, где мне предстояло долгое, тяжёлое лечение от последствий убийства. Да, это было самое настоящее убийство не только моего тела, но и моей девичьей ранимой души. Сначала пытались меня вернуть в наш мир в обычной немецкой больнице, а потом в частной психушке где-то в Швейцарии.

А как подлатали меня и мозги вправили на место, так ушла я в отрыв, в полный беспредел. Возродилась, так сказать, из пепла в образе Дьявола в юбке.

Такая обида засела во мне, что не вытравить её никак.

Почему, за что, зачем? Что я такого сделала плохого, чтобы люди, которых я даже не знала, так жестоко со мной расправились? Не пожалели. Не сжалились над девочкой, что кричала от боли, плакала и молила о смерти.

И, как очухалась, с таким непогрешимым удовольствием принялась мстить всему миру, а особенно своему осквернённому телу, стирая, вытравливая из памяти ту ночь и само понятие стыда, трахаясь, совокупляясь, перепихиваясь и жахаясь со всем, что шевелится. Я будто наказать себя хотела, и как можно больнее. И мучила себя так неистово, судорожно выискивая способы разделаться с собой, грязной и оскверненной, так горячо молила Господа о том, чтобы он пожалел меня, позволил захлебнуться в собственной крови и чужой сперме, забыться в горячечном бреде и никогда больше не очнуться.

Сдохнуть!

А ведь до того дня я была до такой степени невинной, что даже с мальчишками не целовалась, потому что на страже моей целомудренности стоял всесильный и грозный папа. Он любил меня до одури, пылинки сдувал, боялся одну меня куда-то отпускать.

Смешно, но все мои потенциальные ухажёры совершенно справедливо поголовно боялись моего отца. Даже Егорка Громов. Было так забавно смотреть на него, когда мы гуляли где-нибудь в парке, а он боялся до меня дотронуться, постоянно оглядываясь на двух квадратных амбалов, что шли за

нами по пятам.

Что ж, мне все было понятно. Отец приставил ко мне охрану, и они все время бродили за мной, не упуская из виду под страхом смерти. Я даже иной раз над ними прикалывалась, когда где-нибудь, типа, в кинотеатре, направлялась в туалет и таким противным ядовитым голосом приглашала охранника пройти вместе со мной. Надо было видеть его рожу в этот момент. Ухохочешься!

Не удивительно, что мальчишки, и Егорка в том числе, самое большее на что осмеливались, так это взять меня за руку.

Потом прям до смешного доходило, когда я возвращалась с очередной прогулки.

Отец срочно вызывал меня к себе в кабинет и как бы между прочим сообщал, что про мальчика, с которым я гуляла, он все уже разузнал, кто он и из какой семьи.

- Но вот вопрос, дочурка: так ли уж необходимо во время прогулки держаться с ним за руку?

Полный треш!

- Обязательно, папочка!

Бля, ну понятно. Деньги-то в семье охренительные. Вот он и переживал, чтобы кто-нибудь из так называемых женишков не охмурил меня только лишь из-за моего приданого. Правда, Егора Громова в лице моего ухажёра он одобрил и позволил с ним встречаться, но только под присмотром охраны, устроив полный стрём и дичайший беспредел!

Стыдобища!

Но было ещё одно. Я - маленькая, глупенькая, избалованная девочка не знала тогда, что быть дочерью очень богатого человека - это риск и опасность. Что может наступить день, когда некие враги моего отца захотят ему навредить, используя в своих целях его семью. Поэтому мой папа все делал правильно, очень старательно пытаюсь меня защитить.

Я стояла и конкретно на него выпялилась. Это ж надо! Так запала на него! Прямо ругаю себя за эту мою невозможную слабость, занозу в заднице по имени «Чарльз Берлингтон». Но ничего с собой поделывать не могу. Стою, закрываюсь пледом, как дура, и плююсь, плююсь, при свете дня сгорая от стыда.

Хотя, с чего вдруг перед ним скрываться, если он всю меня уже пощупал и погрыз, да кровь пососал. Что уж теперь. Блин, чувствую себя грязной шалавой.

Выгоняет меня из дома, как последнюю давалку, проститутку, что он вызвал на дом, а теперь даёт мне пинка под зад, мол, работу свою выполнила, теперь вали. Работу! Докатилась, блин.

И всё-таки обидно. Не так представляла я нашу первую с ним ночь, когда увидела его впервые в универе, влюбилась и стала мечтать о нем.

Сидела на подоконнике, смотрела на звезды и мечтала.

Как он влюбляется в меня и делает предложение, надевая

на пальчик помолвочное кольцо.

Как мы идём рука об руку в церковь и становимся на колени перед аналоем, а священник нас венчает и благословляет наш брак.

А потом свадьба, пышная и красивая в изумительно цветущем и благоухающем парке, разбитом возле его замка, с аллеями, статуями, колоннадами и прудами.

И затем я рожая ему детей. Наших детей. Мальчика и девочку, как две капли воды похожих на нас.

Хотя, на счет детей...это я охереть как размечталась.

- И долго ты будешь стоять и пялиться на меня? Я ж тебе не картина.

Ох, аж вздрогнула. Вечно он все портит. Помечтать не даёт.

- Да поняла я, поняла! Достал уже. Найди мне хоть какую-нибудь одежду. Не голая же я на улицу пойду. Нехера было рвать мой костюм. Хоть тряпку какую, мне без разницы. Я спрячусь под плащом, что оставила в гардеробе. Накину его сверху, и ничего не будет видно.

Он сидел в кресле голый по пояс, в одних лишь борцовках, широко расставив сильные мускулистые ноги. Треклятый Аполлон. Ну нельзя же быть таким красивым!

Меня аж начало потряхивать от его эротично-соблазнительного вида. Как вспомню его поцелуи и ласки..., мmmm, аж в жар бросает.

А он вообще не обращал на меня никакого внимания, с кем-то чатился в айфоне и, не поднимая глаз и не отрываясь от экрана телефона, нехотя так пробубнил:

- Иди в ванную комнату. Я уже позаботился о том, чтобы ты скорее свалила. Там где-то висят шмотки для тебя, остались от одной из девок. Прислуга пошвырялась в забытых тряпках и нашла твой размер. Иди и одевайся. И, бля, давай, проваливай уже.

- Не переживай ты так. Оденусь и уйду. Больше ты меня не увидишь, только если в универе случайно столкнёмся.

Исподлобья сверкнул на меня взглядом, нехотя оторвавшись от переписки. И с кем, интересно, он чатится?

Я все стояла и пялилась на него, такого красивого, желанного. Кому же он пишет? Разве может он с кем-то проводить время, кроме меня?

- Ты ещё здесь?

Я прям вскипела. Это ж надо, какой козлина! В упор меня не видит. И это после того, что между нами было!?

- Надо же! И много их у тебя здесь было?

- Кого?

- Девочек.

Он поднял брови, цокнул языком и закатил глаза, типа: «надоела уже, овца драная».

- Слушай, пиздец, как ты охуела! Тебе какая разница? Ты жена чё ли, чтобы предъяву выкатывать?

- Да пошел ты!

Я заткнулась и пошла в ванную искать одежду.

Действительно, пора.

За пределами домовладения мажорчика Чарльза меня ждёт человек отца. Если я не появлюсь, он даст отмашку, и старинную крепость раскатают на маленькие камушки.

Так что, любовь - любовью, а меня ждет работа.

Узнать имена уродов и отомстить. Каждому в отдельности. Долго и жестоко. Мучительно и до смерти.

В ванной на плечиках висела одежда, походу, для меня, чистая и выглаженная: модные драные джинсики из последней коллекции очень известного бренда и прикольная маечка. Трусов, конечно же, не было. Ну еще бы! Наш Чарльзик любит их рвать. Откуда ж здесь взяться трусам?!

И на том спасибо.

Но перед этим решила принять душ, чтобы смыть с себя их поганые пальцы, руки, губы и члены. Хоть немного попытаюсь стереть грязь, в которой они меня вымазали.

Боже, как же это чудесно! Вода, тёплая и мягкая, вытекающая сильными струями где то из под потолка, напоминала серебристо-хрустальный водопад. Он точно сотрёт с меня их поганые следы.

Аж зажмурилась от удовольствия, чувствуя, как вода возвращает меня к жизни, точно живительный источник. Удивительно.

Протянула руки навстречу струям, кайфуя, улыбаясь, наслаждаясь. Случайно повернула голову и увидела его. Он

стоял и смотрел на меня. Красивый, сильный, сексуальный. Смотрел, и в глазах его было что-то...горячее и порочное.

Блин, стоит и смотрит, как я моюсь. Охренеть, как неудобно!

- Я сейчас, не сердись, пожалуйста. Не хотелось на грязное тело надевать чистую одежду. Прямо пять минут, и я свалю. Хорошо?

Самое смешное, что я закрыла ладошками все мои причинные места, пытаюсь укрыться от его пристального взгляда. Усикаться можно. Как будто он меня не видел! Видел же. И трахал, только по-своему, по-вампики: сосал кровь и грыз все, что не приколочено. До сих пор дотронуться нельзя до той маленькой пуговки между ног, где он укусил. И нашее огромный синюшный засос все кровит, а на груди кровавые отметины от его зубов. Всю меня пометил, живого места нет. На моем теле точно можно сделать оттиски его зубов. Как раз пригодятся для криминального расследования, если он все же меня убьет.

Блин, молчит и смотрит. Ладно, сердится наверное. Надо уходить.

Выключила воду, шагнула в сторону выхода и...

- Встань, где стояла и включи воду.

Я удивленно осмотрела себя. Где-то грязь не отмылась что ли?

Да вроде нет, всю кровь смыла.

- Спасибо, я уже помылась. Считай, что меня уже здесь

нет.

Он побледнел, а глаза загорелись каким-то непостижимым огнём, и смотрел так, точно дьявольские угли в его глазах прожигали меня насквозь.

- Ты слышала, что я сказал? Повторить?

Ох, а на этот раз это было сказано замогильно-ледяным тоном. Когда он так выцеживает слова, мой мозг реагирует неадекватно, и по моему телу вприпрыжку подсакивают мураши размером примерно со слона. Так что...

Трясущимися руками я снова включила воду и встала под водопадные струи воды, приятно массирующие моё тело. Только кайфа расслабления я не почувствовала, потому что он все так же продолжал смотреть на меня. И молчать.

Блин, какой он странный. И я, тупая овца, запала на него. Никого попроще не смогла найти? Ну и...будь что будет. Сейчас посмотрится, сколько ему надо, и отпустит.

Закрыла глаза и...почувствовала на себе руки.

Ах!

Хотела отшатнуться, но он, обхватив в железное кольцо рук, прижался сзади так крепко, что у меня перехватило дыхание. Крепкими ладонями с силой вцепился в мои груди, грубо и больно затискал, сдавливая и перебирал пальцами соски.

Я почувствовала, как к моим булкам прилипла мокрая ткань его борцовок и ещё что-то очень твёрдое, точно каменное, от чего прокатившаяся по телу жаркая волна бросила

меня в сладкий тремор.

А потом...

Резко повернул к себе лицом и, больно припечатав спиной к стене, впился в мои губы, скользнул между губ языком, вылизывая мой рот изнутри.

Мамочки! Что он со мной делает?! Я сейчас вся обкончаюсь!

Ручищами подхватил меня за задницу, подкинул вверх, обхватив моими ногами свои бедра, и прижал мою голенькую киску прямиком к своему каменному паху. Так крепко притиснул мою дырочку к возбуждённому члену, что я грешным делом подумала, что он вот-вот проткнёт свои мокрые трусы и меня трахнет.

Божечки! А член у него просто огромный! А целуется он...мम्म!

Он оставил мой рот, наклонился к шее, нежно коснулся губами ранки от укуса, провёл языком дорожку до груди и с силой всосал сосок. С воздухом, со свистом, с кайфом я почувствовала его огненный язык и нежные губы на моей коже. Божечки! Это так...непостижимо! Мम्म.

О-о-о! Я закричала и выгнулась ему навстречу, когда он слегка прикусил торчащую от возбуждения карамельку, облизав ее круговыми движениями.

Это было...не так, как вчера. Он не выпускал мою кровь, а просто целовал, ласкал моё тело.

Да, бешено.

Да, грубо и требовательно.

Но мне это безумно нравилось! Я шептала и шептала, вскрикивала, выгибала спинку, точно кошечка, пребывая в чудесном состоянии полуобморочного кайфа.

- Ой, мамочки! Что ты делаешь? Что ты со мной делаешь?

Я закричала, когда он вдруг проник в меня двумя пальцами. Это было так неожиданно и горячо, что я почти сошла с ума от возбуждения. Или от похоти. Сумасшедшей бешеной похоти.

- Посмотри на меня.

Открыла безумные с поволокой глаза. Его лицо было так близко и он был такой красивый, и гладил меня между ног. Взад-вперед, вверх-вниз, ах, а потом восхитительно сладкими круговыми движениями потер жёсткими пальцами между сочащимися соком, влажными атласными губками. Мммм.

- Мучитель, мучитель мой.

Вдруг он сильно нажал на место укуса в моей пылающей огнём ложбинке между ног, и я кончила. Оглушительно, искромётно, звонко и громко. Охрененно! Так заорала, будто меня резали. Но мне было пофиг. Я кончила так запредельно-крышесносно, что сначала будто застыла в верхней точке улёта, а затем тело моё само по себе начало содрогаться в сладких конвульсиях. Неисчислимое количество волн, одна за другой, прокатывались по телу сверху вниз, снизу вверх, доставляя мне удовольствие, не сравнимое ни с чем.

- Вот так, так, умница. Все же ты пиздец какая отмороженная. Кончаешь от боли.

Я замотала головой.

- Нет, нет, ты такой ласковый. Что ты сделал со мной? Я еще хочу, пожалуйста. Трахни меня, прошу тебя.

Он вдруг стряхнул с себя мои ноги, с силой припечатал меня к стене и, сжав крепкой ладонью моё горло, начал придушивать.

- Ты исполнишь мой приказ?

Боже, снова приказ. Как же он любит приказывать!

- Да, - я смогла только прохрипеть, так сильно он сжимал моё горло, напрочь перекрывая кислород.

Для верности я в панике закивала головой и сделала квадратные глаза, уже практически теряя сознание.

Он отпустил руку и...приказал:

- Вставай на колени.

Я послушалась, не посмела возражать и опустилась перед ним, больно впечатавшись коленями в твёрдый мокрый кафель.

- Возьми его в рот.

Я вытаращила глаза. Он что, не боится? Ведь буквально вчера одному пьяному тунгусу я отрезала кончик залупы. Его что, жизнь совсем не учит?

Даже посмела ухмыльнуться в ответ на его просьбу:

- Не боишься?

Он даже скривился презрительно:

- Давай, возьми его.

- Но...он же в трусах?

- У тебя что, нет рук?

- Есть...

Он смотрел на меня сверху вниз. На меня, девочку, что только вчера изуродовала член одному уроду. Возможно, тот уже не сможет трахаться и иметь детей.

В его глазах настойчиво вибрировало нетерпение. Адреналин распирает его тело, отправляя в бесконечный тремор, и он не мог с ним совладать.

- Ты тоже отмороженный, Чарльз. Как и я.

Он вдруг схватил меня за грудки и сильно ударил головой о стену. У меня аж в глазах заискрило. А он с такой довольной миной, что сделал мне снова больно, процедил с такой ненавистью, что мне стало не по себе.

- Ты будешь и дальше пиздеть или всё-таки отсосешь? Я тебе уже сказал, что мне похуй, кому и что ты отгрызла. Со мной ты этого не сделаешь.

Ну, как сказать. Я бы на его месте не была так уверена.

- Я отсосу. А можно...

- Что...бля.

Он зарычал, отшвырнув меня на пол, а я прикинулась покорной ветошью и снова встала перед ним на колени:

- А можно я его поцелую? Мне очень хочется.

- Как пожелаете, мадемуазель, - сказал так с усмешкой,

точно издевался надо мной.

Обеими руками я ухватила за резинку его борцовок и потянула вниз, освобождая его член из мокрого заточения.

Божечки! Я так и думала. Огромный, толстенный хуище. Не фига в рот не поместится. И вообще ни в одну из моих дырочек на моем многострадальном теле.

Обхватила красивую пироженку обеими руками, сжимая ствол и поглаживая взад и вперёд, взад и вперёд, лизнула головку, обведя языком вокруг, пососала нежно и долго, с удовольствием услышав где-то там, над моей головой, гортанные стоны, и впустила его в себя.

Одна лишь только головка уже заполнила целиком весь мой рот. Даже не знаю, как он весь-то поместится...

Но хозяин члена больше не стал сдерживаться. Схватил меня за волосы и с нажимом управляя моей головой, вошёл в мой рот.

Ещё раз и ещё.

Ещё и ещё.

Жёстко и грубо.

Сильно и резко.

Впечатываясь по самые гланды.

Пока не закричал, поглаживая широкой ладонью моё горло, будто хотел почувствовать, на сколько далеко ему удалось в меня войти.

Кончил так глубоко во мне, что я даже не почувствовала вкус его спермы. Сразу проглотила.

Вынув из меня свой член, в изнеможении рухнул на кафельную плитку, застонал так сладко, мучительно:

- Бля, иди уже. Или я тебя оставлю здесь и насмерть затрахую. Сука, откуда ты взялась на мою голову? Сладкая, гребаная сука!

О-о-о! А это равнозначно признанию в любви. Не правда ли? Или мне это только показалось?

С праздником, девчонки! Надеюсь, глава порадовала вас в наш девичий праздник во всех смыслах. Ваш прикольный автор.

Мои дорогие. Не забудьте кликнуть на звездочку в карточке книги. Очень надо для рейтинга, мать его!

глава 6.1

- Доброе утро, Наталья Викторовна.

Даже не знаю, сколько времени он ждал меня у ворот замка. Скорее всего, ожидал бы до тех пор, пока не наступит час икс, когда надо было принимать решение касательно моих поисков.

Чарльзу очень повезло, что он оставил меня в живых. Иначе даже не знаю, что с ним было бы. Мой отец точно разобрался бы по полной, нашёл меня или моё тело, и воздал по заслугам всем, кто виноват в моей гибели.

На лице дяди Коли, моего душеохранника, застыл вопрос. И ответ на него был очень длинный и муторный. Он спокойно смотрел на меня и ждал, снова удивляя устойчивостью своей психики и стальными нервами. Такого профессионала в своём деле нельзя было отнести к болтливым личностям, что кудахчут, точно наседка. Он просто вни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.